

Александр Козенко

# ДЖОН ГОЛСУОРСИ



# Александр Васильевич Козенко Джон Голсуорси. Жизнь, любовь, искусство

*indd предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=22979963](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22979963)*

*Александр Козенко Джон Голсуорси. Жизнь, любовь, искусство:  
ISBN 978-5-906914-61-3*

## Аннотация

Настоящая книга, написанная в жанре романа, рассказывает о жизненном и творческом пути английского писателя первой половины XX в. Джона Голсуорси (1867–1933). Подробное описание событий его личной жизни дано на фоне политической и общественной жизни Великобритании. Большое внимание уделено непростым отношениям автора с Адой Голсуорси (Купер) и Маргарет Моррис. Романы и особенно пьесы Джона Голсуорси имели громадный успех; это были пьесы, которых «все ждали», ибо в них автор выступал с острой критикой социальной ситуации в стране. Наибольшей популярностью пользовалась его «Сага о Форсайтах» – многотомная «семейная хроника», давшая широкую и глубокую панораму жизни Англии конца XIX – первой трети XX века. Сага неоднократно экранизировалась, оставаясь популярной и сейчас. Большой интерес представляют высказывания Голсуорси об искусстве, драматургии и творчестве

писателя. Известный критик Эдвард Гарнет в одном из писем к нему отмечал: «Вашему взгляду на жизнь присуща поэзия, которая веет со страниц романа, как свежий ветер в открытое окно». Книга рассчитана на широкий круг читателей.

# Содержание

Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Александр Козенко

## Джон Голсуорси

### *Жизнь, любовь, искусство*

© Козенко А. В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

\* \* \*

*Художественное творчество, с одной стороны,  
переплетено с личной жизнью художника, а с другой  
– доминирует над этим переплетением.*

*Карл Юнг*

*Одни лишь мы, венец всего,  
Из тьмы, идя во тьму,  
Зачем мы скорбно стонем  
В терзание сердца своего?*

*Альфред Теннисон*

*Так странны дни, которых больше нет.  
Альфред Теннисон*

*Всякой речке – влиться в море,  
Всякой муке – в гробе тлеть.*

*В. Мюллер. Зимний путь  
(Блуждающие огни)*

До смешного обыденно приходит то мгновение, когда человеку предстоит осознать неизбежность своего скорого ухода из жизни. Но не обречен ли каждый человек с рождения? Когда это приходит – осознание ограниченности человеческой жизни, осознание того, что нет глаз, которые не закроются в вечном сне, что все люди, с которыми ты говоришь, которые окружают тебя, от самых близких до случайных прохожих, смертны. В каком возрасте полоснет осознание факта неизбежности гибели собственного Я? Лет в 12–13. Практически все тогда воспринимается в свете этих мыслей. Но постепенно в юношеское сознание приходит излечение. Жизнь длинна. Это будет нескоро, в далеком будущем, настолько далеко, что как бы и не будет никогда. Человек перестает верить в возможность собственной смерти. Да, в молодости и нельзя жить иначе. Действительно, к чему тогда все? Все планы и стремления, для свершения которых нужны годы. Все потеряло бы всякий смысл. И ему в том возрасте казалось, узнай он, что неизлечимо болен и уже нельзя будет продолжать жизнь. Бросить все занятия и неудержимо предаться наслаждениям. Каким? И духовным, и чувственным. А может, чтобы забыться и ни о чем не думать – алкоголь, наркотики? Нет, жалко еще быстрее похоронить себя. Надо успеть посмотреть мир – только путешествовать. Каж-

дый день переезжать из города в город, из страны в страну. И еще надо успеть потратить деньги, это трудно, ведь у него много денег. Зачем оставлять их, ведь после него никого не останется...

Смешно, но сейчас, он не будет ни в малейшей степени изменять свой образ жизни. Во-первых, он уже почти все сделал, сделал, что хотел и мог. А много ли он мог? Он стал известным писателем, довольно много написал, хотя письмо и было для него трудной работой, он никогда не писал легко, всегда много работал над рукописями. Каждый, практически каждый его герой – это частица его Я, в них отражены грани его личности, качества его души, его мысли, ощущения, его жизнь. Он уже увековечил свое Я, сделал свою личность бессмертной. Перестав смеяться, он понял, что успокаивается, совсем успокоился. Он ощущал дрожь в руках, ногах, почти каждый мускул его тела был напряжен и дрожал, к горлу подкатывал комок тошноты. Он испытывал страшный ужас – осознание своей обреченности. Это приговор – злокачественное малокровие. У него выступил холодный пот. Сколько времени еще отпущено? Год, другой, а может быть, несколько месяцев, недель, дней!!!

Необходимо собрать всю волю и не впадать в отчаяние. Нельзя травмировать своим подавленным состоянием членов семьи, близких, друзей. Стараясь никак не проявить своего внутреннего состояния, он вышел из верхнего кабинета, как всегда тщательно одетый, и стал медленно спускаться в

обеденную залу. Но ноги не слушались его, и ему пришлось взяться за перила лестницы, что он ранее никогда не делал.

Было время ланча, и, когда он вошел, стол был уже накрыт. Сегодня он завтракал один. Обыкновенно он не замечал прислуживающего за столом лакея, но сейчас ему было бы неприятно, если бы кто-нибудь заметил его внутреннее состояние. А есть он не мог. Он заставил себя проглотить две ложки сваренного в мешочек яйца...

И вдруг спазм в горле сменился приступом смеха. Лакей удивленно посмотрел на него и, быстро отвернувшись, вышел в буфетную. А он не мог остановиться. Ха-ха-ха-ха. «Что это со мной? Истерика?» – испуганно думал он. Нет, действительно смешно. Смешно, что именно ему досталась эта карта в смертельной рулетке, в которую ежемгновенно играет каждый живущий человек. Он вытянул лейкоз. Чем это хуже или лучше другой неизлечимой болезни? Что ему следует изменить в своей жизни? Не строить планы на будущее и постараться успеть закончить трилогию о своей любимой героине, пожалуй самой любимой среди всех женских образов, которые ему довелось создать.

«Почему я стал писателем? Неужели потому, что она сказала мне: “А почему вы не пишете? Вы прямо созданы для этого”. Конечно, эти слова помогли мне найти себя. Но, что вообще мог делать человек с приличным образованием, способностью к независимому самостоятельному мышлению, но лишенный ярко выраженных способностей к каким-ли-

бо определенным искусствам или наукам. А заниматься чем-нибудь лишь с целью “заработка на жизнь” мне было не нужно. Надо сказать, что у рожденных богатыми стремление к деньгам, власти часто оказывается несколько ослабленным по сравнению с аналогичными устремлениями людей, которым приходится “делать себя самим”. Как же в такой ситуации перебороть себя и эту мерзкую скуку, делать и делать деньги. Мое же юридическое образование не оставляло мне много возможностей.

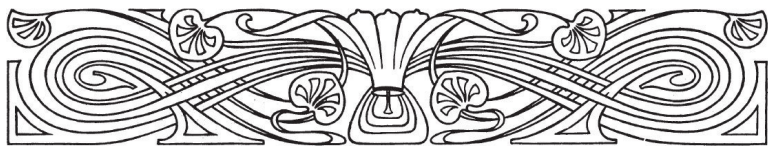
В то же время восприятие жизни через художественное литературное произведение было у меня острее, чем реальности. Поцелуй “на бумаге” значил для меня гораздо больше, чем реальный поцелуй. Писать – могло стать для меня единственной возможностью приобщиться к созданию прекрасного, единственной дорогой к творчеству. Я стал понимать, что наиболее глубокое осмысление смысла человеческой жизни во всех ее проявлениях – от социальных движений до самых интимных, индивидуальных, психологических сторон – возможно лишь в литературном творчестве. И оно осуществляется в живой образной форме без нудных абстрактных схем научного исследования. Я перестал сомневаться, что если бы мне надо было зарабатывать, то самый приятный способ – это быть писателем. Вот только для того, чтобы им стать, нужен талант. Но, может быть, страстная любовь к литературному творчеству и неутомимая работа позволят развить свои способности, если они есть. Ведь

недаром говорят, что способности лишь одна составляющая таланта, другой неотъемлемой составляющей является работоспособность. А что получилось, тут уже не мне судить».

Наконец он смог продолжить завтрак. Но, когда он закончил ланч и лакей сменил сервировку стола, подав к кофе почту – утренние газеты и корреспонденцию на большом серебряном подносе, – он смотрел на нее отстраненным взглядом. Она была ему неинтересна. Он вспоминал свою жизнь – всю жизнь от самых ранних моментов, которые представляют собой отдельные яркие картины, запечатленные в сознании ребенка, и которые путаются в его сознании с образами, возникшими уже позже по рассказам его родителей.

**ТАК КАК ЖЕ ВСЕ ЭТО БЫЛО?**

# Глава 1



Крупные капли дождя сильнее застучали по оконным стеклам. Близилась полночь, но он продолжал сидеть в своем кабинете – сумрачной небольшой комнате, заставленной мебелью красного дерева с темно-зеленой бархатной обивкой и тонкой резьбой. Во рту он держал незажженную сигару, а его невидящий взгляд был обращен на большую картину «Голландские рыбацьи лодки на закате», висевшую на стене напротив. Ее краски хорошо гармонировали с густыми коричневыми тонами, которые он предпочитал для всех непарадных комнат. Его массивная голова откинута на подушку кресла с высокой спинкой, волосы уже почти совсем седые, но бакенбарды, усы и окладистая борода практически не тронуты сединой и свидетельствуют о том, что Джон Голсуорси III, как он значился в семейной родословной, далеко не старик. Да какой же он старик? Из комнаты его жены Блэнч доносились приглушенные крики. У нее были вторые роды. Он не так сильно волновался, как когда она рожала в

первый раз. Три года назад она родила дочь Лилиан. Тогда он от волнения так устал, что заснул, а когда проснулся, ему сказали о рождении дочери. А сейчас он не мог заснуть, хотя мучительного беспокойства о жене не испытывал. Он стал к ней совсем равнодушен. Да и было ли его отношение к ней когда-либо другим? Или все его беспокойство было лишь о наследнике? Он женился пять лет назад в сорокапятилетнем возрасте, уже успевшим составить значительное состояние, на девушке на 20 лет моложе его. Она была дочерью Чарльза Бартлета – «мирового судьи» в гр. Вустершире. Их семья проживала в небольшом живописном городке Реддиче, несколько южнее Бирмингема, местности, славящейся особой красотой женщин. И, хотя он к тому времени стал весьма известным в Лондоне поверенным, не говоря уже об изрядном капитале, все же он был выходцем из девонширских «йоменов». Шесть поколений его старинного фермерского рода жило в окрестностях Плимстока и Уэмбри. Первое упоминание о них относилось к Эдмунду Голсуорси, умершему в 1598 г. в Плимстоке. Когда ему самому исполнилось 16 лет, его отец, плимутский торговец, чьи дряхлые суденышки плавали в страны Средиземноморья за фруктами, кожами и винами, послал его учиться юриспруденции в Лондон вместе с восьмью другими своими сыновьями. К этому времени их мать уже умерла, а один из братьев отца обосновался в Лондоне как строительный подрядчик. Шел 1833 год, в самом крупном в мире городе продолжался строительный

бум, и семейство Голсуорси все больше богатело. Оно инвестировало свои средства в земельную собственность, когда быстро растущий средний класс двинулся из центра столицы в Бейсуотер и Кенсингтон и самоутверждался, возводя там огромные роскошные, но безвкусные особняки.

Вскоре Джону Голсуорси III удалось сдать экзамены на стряпчего, и он получил право заниматься адвокатской практикой. Он помнил, какой обед он устроил в честь этого события – он начался с целого бочонка устриц. А был он тогда худой, как щепка, и, правда сказать, так никогда и не потолстел. Постепенно он вошел в правление многих компаний, которые были основаны членами его обширного семейства. Год шел за годом в интенсивной напряженной работе, в которой он полагался только на свои силы. Природное здравомыслие и умеренность ограждали его от финансовых взлетов и падений, так характерных для большинства молодых людей. В силу известного закона притяжения деньги шли к деньгам, и с каждым годом он становился все богаче. Но ему некому было оставить свой капитал, и у него не было никакой цели, ради которой ему стоило бы продолжать наживать деньги, что было и его религией, и образом жизни. К тому же в нем всегда были сильны чувства семейственности и чадолюбия, и к его зрелому возрасту они снова проявились и воплотились в этом его чувстве к очаровательной дочери «мирового судьи». Да, она была красивой девушкой и на двадцать лет моложе его, и она согласилась на его предложение.

Но любила ли она его? Сейчас, по прошествии всего пяти лет со дня свадьбы, он не мог с полной уверенностью ответить на этот вопрос. К тому же она была дочерью «мирового судьи», как известно исполнявшего не только судебную, но и административную власть. И назначались они, эти судьи, не кем-нибудь, а самим канцлером королевства по представлениям лорда-наместника графства из числа наиболее крупных землевладельцев. А его положение, положение стряпчего, не имело социального веса. Он должен был бы быть для их семейства не больше, чем «предметом холодной учтивости». И все-таки она вышла за него замуж. Им нужна была его деловая хватка, его способности. Ее семья не ошиблась в нем, его дела идут все лучше. Вот если бы только вторая жена судьи Бартлета не передала дочери свой снобизм и мелочность. И Блэнч никогда не забывала, что он более низкого социального происхождения.

Сильный раскат грома прервал его размышления. Как жутко завывает ветер в каминной трубе! Сквозь этот шум еле слышно тиканье старинных часов, стоящих в углу и несколько великоватых для этой комнаты. Он купил их еще до женитьбы и ни за что не хотел расставаться с ними. Яркая вспышка молний осветила комнату. Вспыхнула золоченая бронза на циферблате часов, и как бы ожили две птички, изображенные на японской лакированной шкатулке, в которой он держал сигары. И в это мгновение он услышал пронзительный крик, заглушенный мощными раскатами грома.

Он был уверен, что это уже не голос его жены. Он встал, открыл дверь и начал прислушиваться. Вдруг до него донеслись шаги быстро спускавшейся по лестнице горничной. Не остановившись и еще не вполне спустившись, она в волнении заговорила:

– Доктор вас просит, сэр.

Джон, не дослушав ее, стал быстро подниматься по лестнице и на верхнем пролете увидел доктора, спокойно вытиравшего руки.

– Ну как, все в порядке? – спросил Джон.

– Да, поздравляю вас с рождением сына. Оба они чувствуют себя хорошо. Но сейчас вам лучше не входить к ним. Я пробуду еще здесь до утра.

– Я пришлю вам обед наверх, – сказал Джон и медленно пошел вниз.

Сын, думал он, у него родился сын, который будет его наследником и продолжателем его дела. Теперь его жизнь приобретала новый смысл, и он преисполнился гордости, и это новое чувство постепенно заполняло его, и он был уверен, что сын его не подведет.

Джон вернулся в свой кабинет, достал письменные принадлежности и написал сообщение для «Таймс»:

«В полночь 14 августа в Паркфилд, близ Кингстон-Хилла... у жены Джона Голсуорси, эсквайра, родился сын».

А гроза все продолжалась. Порывы ветра гнули и раскачивали деревья в саду и бросали струи дождя в окна. «Ка-

кое ненастье, – подумал Джон, – и мой сын родился в такую непогоду. Не предвещает ли это ему в жизни мятежный путь, борение страстей и какой он будет иметь характер?». Богатый жизненный опыт подсказывал ему, что даже при очень спокойной и размеренной внешней жизни внутренняя, духовная жизнь человека может быть очень сложной, страсти могут терзать его сердце и драматические коллизии преследовать с самого рождения и до конца дней. Будет ли Джон счастлив? Он не сомневался, какое имя даст своему старшему сыну. Конечно, то же имя, что и у него самого, по давней семейной традиции. Его сын будет Джон Голсуорси IV. И он, в свою очередь, еще более приумножит богатства семьи.

С очередным раскатом грома Джоном овладело беспокойство: как бы эти страшные удары не испугали его малютку дочь, о которой он совсем забыл из-за этой суматохи сегодня. Взяв свечу, он по темной лестнице поднялся к ней в спальню. Дверь и не скрипнула: по его приказу петли всегда смазывались, а он всегда носил мягкие башмаки на пробковой подошве и ступал в них бесшумно, как кошка. На цыпочках, очень осторожно он подкрался к ее кровати. Лилиан, он обычно звал ее Лили, спала. Джон застыл неподвижно подле нее и в полумраке комнаты любовался ее безмятежным, таким любимым им лицом. Для ее счастья он готов на все. И в ней тоже течет частица его крови, и с ней также связана его будущая жизнь. Да и какая будущая жизнь может быть у человека, как не в его детях. Он вспомнил, что у нее

скоро будет день рождения. Да, остались какие-то две недели до 1 сентября. В этот день три года назад в 1864 г. она родилась. Вскоре после ее рождения они переехали сюда в Паркфилд. Ранее он с женой жил в Кенсингтоне, довольно зеленом и аристократическом районе Вест-Энда. Но для здоровья детей необходимы чистый воздух, парное молоко, собственные фрукты и овощи, считал он. Поэтому он и построил здесь (в одиннадцати милях от центра Лондона) вблизи Кингстон-Хилла виллу – двухэтажное здание с большими окнами с люнетами, казавшееся миниатюрным дворцом. Да, пожалуй, оно действительно было слишком миниатюрным, семья-то росла. И вот уже он покупает большой участок земли у деревни Мэдлен и называет его Кум. На нем он задумал построить дом в собственном стиле. Он будет похож на так понравившееся ему здание конечной станции Лондонско-Мидлендского района Сент-Панкрас Стейшн. Этот из красного кирпича образчик смешения викторианского и готического стилей уже начал строиться. И первый камень в его фундамент уже заложила не кто-нибудь, а Лилиан с помощью серебряного детского мастерка, который он купил специально для этого случая.

Джон еще немного постоял над спящей дочерью, прислушиваясь к ее ровному дыханию и всматриваясь в пухленькое личико, затем бесшумно повернулся и вышел. Кажется, и гроза стала стихать. Молнии вспыхивали не так часто, и после вспышки приходилось долго ожидать приходящие уже

издалека глухие раскаты грома.

Он прошел в свою спальню. Налил в таз воды, умылся, разделся и лег в постель. Было уже очень поздно, и он быстро заснул.

## Глава 2

Маленький Джон – «Джонни», как все его звали в семье, – помнил себя с четырех лет. Может быть, эти воспоминания и не отличались особой последовательностью и частично перемешались с тем, что позже ему рассказывали старшие, но отдельные наиболее яркие картины без труда вставляли перед его мысленным взором. И, пожалуй, первым запомнившимся ему событием в жизни было известие о рождении его младшей сестры. Даже не самого известия о рождении – он тогда плохо понимал смысл этого слова, – а о том, что у него появилась сестра, крошечная девочка, и после завтрака они пойдут ее смотреть. У него уже были старшая сестра Лили и младший брат Хьюберт, но они как бы всегда существовали рядом с ним, как и родители, как няня. В сумрачное октябрьское утро он так разволновался, что у него совсем пропал аппетит, и он никак не мог съесть за завтраком яйцо всмятку. Оно так и осталось стоять со срезанной сверху скорлупой в хрустальной, оправленной серебром пашотнице. Его даже начало подташнивать. Не терпелось узнать, какая она, новая подруга для игр? Наконец дети кончили завтракать, и няня повела их смотреть сестру. Когда с братом и сестрой он вошел в комнату, он вначале увидел только маму.

– Идите смотреть свою сестренку, – проговорила она.

– Но где же она? – невольно вырвалось у Джонни.

– А здесь, в этой кровати, – улыбаясь, ответила мама, подводя детей ближе, – спит ваша сестричка Мэб.

Но то, что увидел Джонни, никак не соответствовало его представлениям о сестре – девочке, с которой можно играть, как с Лили. В кровати лежал кукленок, но живой, крошечное личико морщинилось во сне. «С такой не поиграешь», – подумал Джонни. Он был явно разочарован.

Дети еще постояли какое-то время тихо, боясь разбудить свою маленькую сестру. Мать, видимо, почувствовала их некоторое недоумение, и это позабавило ее. Она крепко поцеловала каждого из них, теперь уже старших своих детей, хотя Хьюберту было всего два с половиной года, и мягко выводила их из комнаты к няне.

Или вот еще, он хорошо помнит, что ему всегда хотелось самому видеть, как главный садовник Кум-Уоррена выбирает в оранжерее и виноградных теплицах ананасы и виноград или собирает персики у южной стены; конюх Джордж играет на концертино или начищает пуговицы. Но, пожалуй, больше всего он любил смотреть на кухне, что готовят к столу, и, конечно, не прочь был попробовать жареную уклею или седло барашка, сладкий пирог или яблочную шарлотку. Особенно часто готовили девонширские блюда, которые любил отец: запеченный в тесте бифштекс и творог со сливками и мускатным орехом. Когда приготовления заканчивались и блюда на серебряных подносах приобретали вид произведения искусства, шеф-повар почтительно просил его: «Все, мо-

лодой барин, больше это не трогайте».

Он помнил подаренную ему отцом лошадку-качалку и находящихся пони, на которых их учил ездить конюх Джордж. У них в Кум-Уоррене были и специальные теннисные корты, и крикетное поле для игры детей, и им даже сшили легкие, свободные белые спортивные костюмы.

Джонни очень любил, когда у них дома, как говорили взрослые, устраивали «прием». Он обычно сидел тогда на верхних ступенях парадной лестницы, с двух сторон которой стояли ливрейные лакеи. Были зажжены все канделябры, и выходявшие из экипажей гости медленно парами поднимались по красной дорожке, блистая белыми перчатками, светло-желтыми жилетами, перьями и бриллиантами. Стоявший у парадной двери дворецкий Генри громко объявлял: мистер и миссис Бартлет... леди... сэры...

Появлялась мама, очень красивая в своих парадных серьгах, с локонами, ниспадающими на шею. Когда гостей приглашали к обеду, мама говорила: «А теперь, детка, тебе пора в постель». Но укладывала в постель его уже няня. Мама заглядывала ненадолго позже, являясь как бы во сне, от нее чудесно пахло, она целовала его и гладила ему лоб, пока он не засыпал. Как-то, когда он поранил голову о каминную решетку в детской, мама сразу пришла ему на помощь, и он всю ее измазал кровью. И, когда ночами его стали мучить кошмары – перламутровая инкрустация шифоньера в свете луны вспыхивала глазами чудовища, – она садилась на его

кроватьку и обнимала его. Мама была очень нужная, но все же далекая, гораздо ближе была няня. Няня воспитывала его по-спартански. Купала его в холодной воде, и ходил он все время с голыми коленками, а в доме-то было не очень тепло. Он так думал, что лишь зимой в доме бывало теплее, чем на улице, а весной, летом и осенью наоборот. Капризничать, хныкать и жалеть самого себя ему не разрешалось.

Особые узы связывали Джонни с отцом. Днем отец был недоступен. Каждое утро он отправлялся в Сити и возвращался домой, как правило, не раньше пяти часов вечера. Тогда, взяв Джонни за руку, он вел его с братом и сестрами на прогулку. Они шли по склону холма, откуда был прекрасный вид на обнесенный оградой сад, луг, поле и рощу, за которой были коровники. Проходили мимо вековых дубов на лужайке, розария и конюшни с часами на низкой башенке. Отец учил сына чувствовать и понимать красоту. Не забывал он и о практических делах. Отец отдавал распоряжения: где-то подвести горячую воду, где-то улучшить освещение. Заботился об увеличении удоя своих ольдернейских коров и о подкормке грачей. Джонни думал: как много знает отец, какой он умный, и я должен стать таким же.

Когда ему исполнилось восемь лет, его няня вышла замуж и уволилась. Джонни испытал глубокое разочарование. Как она могла оставить его ради какого-то мужа. Он ведь даже простил ей чрезмерное, по его представлениям, наказание, когда она силой заставила его лежать на спине за ка-

кой-то проступок. Он помнил, как это вмешательство в его личную свободу поразило его. Это страшное ощущение беспомощности и неуверенности, наступит ли ему когда-нибудь конец, а ведь он пролежал так не больше минуты. Ему не хотелось жаловаться на няню, но неуверенность в том, что это не повторится, заставила его все рассказать маме. В тот день, сидя под столом в ожидании своего любимого десерта, он услышал, как мать с отцом обсуждают, в какой форме сказать няне о нежелательности впредь физических воздействий на него, чтобы не обидеть ее, так любящую Джонни. Он понял, что родители не подозревают о его присутствии под столом, и на него нашло совершенно новое чувство смущения. Джонни затаился под столом и пожертвовал своим любимым десертом, чего не сделал бы раньше ни при каких обстоятельствах.

Другое сильное чувство поразило его, когда он понял конечность всего живого. Как-то, подойдя к коровнику, чтобы выпить после окончания дойки парного молока, он увидел мертвого теленка. Он осознал, что, если теленок мог умереть, значит, всякий может – не только мухи, жуки и цыплята. Это открытие ошеломило его. Джонни, плача, бросился искать отца, но попал в объятия своей матери. Ее руки и слова успокоили его рыдания. Постепенно он успокоился, но его отношение к жизни стало уже другим, более осознанным.

Как раз когда у Джонни появилась новая гувернантка, он заболел корью. В его памяти болезнь осталась некоей сме-

сю из сыпи, лежання в постели, регулярного приема меда и множества мандаринов. Хотя он уже умел сам читать, так как к нему каждое утро на два часа приходила мадемуазель учить его французскому, а также читать, писать и сообщать первоначальные сведения по арифметике, географии и истории, во время болезни, чтобы он не напрягал зрение, ему читала вслух гувернантка. Она выбрала для чтения неприятные приключенческие истории, и в голове Джонни перепутались пираты и работорговцы, пируги и воздушные шары, кровопролитные сражения и путешествия к северному полюсу. И, когда ему позволили читать самому, он не мог оторваться от этих книг. У Джонни была привычка читать, лежа на полу, на животе, которая вызвала впоследствии у него развитие близорукости. Но он уже не мог ограничиться только чтением.

Когда Джонни совсем оправился от болезни, он стал разыгрывать целые морские и сухопутные баталии. При этом он не ограничивался, как большинство детей, оловянными солдатиками, пушками, кораблями, лодками и другими покупными игрушками, а сооружал предметы своих фантазий из мебели и постельного белья. Из кровати он соорудил корабль и поплыл по морю зеленого ковра к скале из гардероба красного дерева, на которую забрался по выступам ящиков. Прижав к глазу стакан – нет, не стакан, а «подзорную трубу» – Джонни всматривался вдаль. На море начался шторм – по стенам побежали волны света и тени от закрученного им

абажура. Из сливового сока он приготовил «ром», из компота и апельсиновой корки – лимонный сок от цинги и отправился на Северный полюс, сделанный из белоснежных постельных принадлежностей. Там он встретился с белым медведем, сооруженным из подушки и четырех кеглей, накрытых ночной рубашкой.

Во всех детских играх Джонни был вожаком, капитаном на построенных им «кораблях» и командиром во время боев подушками.

Стараясь умерить его активность и усмирить его воображение, отец привез ему «Айвенго», «Бевиса», «Книгу о короле Артуре» и «Школьные годы Тома Брауна». Но, прочитав первую книгу, он три дня строил, брал штурмом и защищал замок Фрон де Бефа, а прочитав книгу о короле Артуре, целиком превратился в сэра Ламорака де Галис, главным образом благодаря понравившемуся ему имени, и не слезал со своего деревянного коня, вооружившись длинной бамбуковой тростью.

Надо, правда, упомянуть, что Джонни скакал не только на деревянной лошади. Во времена его детства было принято обучать маленьких джентльменов верховой езде. И эта его страсть чуть было не привела к трагическому случаю. Как-то лошадь с ним убежала в Ричмонд-Парк, и только счастливая случайность, что он остался жив. А может быть, и не простая случайность. Ведь это был тот самый Ричмонд-Парк, в котором молния зажгла дуб в грозу в ночь его рождения. Из

ветки этого дуба дворецкий Генри вырезал ручку и подарил Джонни – своему любимцу. Эта ручка как амулет на счастье долго хранилась у него. Может быть, это было знамение – это обстоятельство и предопределило то, что он станет писателем. Но до этого было еще далеко. Ему надо было много и упорно учиться, он был не очень образованным мальчиком.

## Глава 3

Сегодня, 14 августа 1876 года, ему исполняется девять лет. Но Джонни, одетый в синий полотняный костюмчик, не так, как обычно, радуется праздничному обеду, состоящему из его любимых блюд: печенки, шампиньонов, миндального пирожного и лимонада. Ему сказали, что он уже вырос и надо ехать учиться в подготовительную школу для получения «более системного образования».

И вот наступил этот день, когда ему впервые предстояло надолго покинуть родительский дом. В сопровождении слуги отца Джозефа Рамсдена Джонни отправился в Борнмут, в школу Соджин. Эта школа, сказали ему, принадлежит доктору и миссис Брэкенбери.

«Какие они, эти люди, которые будут определять мою жизнь?» – думал Джонни, сидя с Рамсденом в открытой коляске – было теплое начало осени. Но день был ясный, солнечный, лошади весело цокали копытами, и его настроение после расставания с родными постепенно улучшилось. Они должны были сесть на поезд в Уимблдоне (Эрлсфилд) и на нем ехать до Саутгемптона на юго-запад к Английскому каналу, который почему-то во всем мире называют по-французски Ла-Маншем. Вот и вокзал. Какое-то время им приходится на перроне ждать поезда. Наконец, пыхтя скоростным сверкающим на солнце паровозом, подошел состав с четырь-

мя вагонами. Они сели в вагон I класса, носильщики быстро погрузили небольшой багаж, и поезд тронулся. Джонни занял место у окна и с любопытством смотрел на сменяющиеся перед ним картины. Сначала виды мало отличались от тех, к которым он привык в окрестностях своего дома. Но постепенно, по мере того как они приближались к Гуильфорду, песчаная местность, покрытая вереском, сменилась восхитительными зелеными лугами с живописно разбросанными группами деревьев. Там и здесь попадались аккуратно возделанные поля. Появились холмы, и было видно, как дороги извиваются по их склонам между оградами, увитыми диким виноградом, и покрытыми плющом стенами построек. Сам Гуильфорд поразил архитектурой некоторых строений, ведущих свое начало еще со средних веков. Джонни знал, что этот город в древности был резиденцией западных сакских королей, и ощущал, как сама история раскрывается перед ним. Его богатое воображение сразу перенесло его в те далекие времена – он уже видел всадников с арбалетами, на конях скачущих к старинному замку.

В городе Фарнхэм поезд прошел по железнодорожному мосту через реку Уэй. А следуя через Винчестер, можно было увидеть в окно знаменитый собор, строившийся и перестраивавшийся несколько веков и сохранивший отпечатки архитектурных стилей от норманнского до стрельчатой готики. Еще каких-нибудь полчаса пути, и они выходят в Саутхемптоне. Как раз было время ланча, и Рамсден повел Джон-

ни в один из старых ресторанов, во множестве разместившихся в центральной части города в тюдоровских и георгианских домах. Они вошли в зал, пол которого был посыпан опилками, а по стенам развешаны зеркала в овальных позолоченных рамах. Не успели они сесть за столик, как к ним подскочил официант, весь заросший волосами, в переднике:

– Что прикажете, сэр? – обратился он к Рамсдену.

– Принесите мне баранью котлету с рассыпчатым картофелем, а для юного джентльмена – бифштекс из вырезки с яйцом.

– Хорошо, сэр.

Джонни потом долго вспоминал этот ланч в ресторане, особенно во время скудных школьных обедов. Вспоминал, как на десерт они пили чай с пирожными, ели фрукты. Будучи сектантом, Рамсден не взял себе ни вина, ни пива.

Весь оставшийся путь до Борнмута они проделали в дилижансе. Джонни увидел открытое море, серовато-голубоватое в белых барашках, и даже не заметил, как дилижанс въехал в небольшой курортный городок, в котором ему доведется провести почти пять лет.

Джозеф Рамсден, невысокий, полноватый, затянутый в сюртук, повернул к Джонни свое лицо мопса, обрамленное круглой черной бородой:

– Ну, мастер Джонни, вот мы и приехали.

И действительно, дилижанс остановился у ворот в ограде пришкольного парка. Рамсден надел цилиндр и, взяв сакво-

аж с вещами Джонни, вышел первым и, к неудовольствию мальчика, попытался помочь сойти и ему. Но Джонни, не замечая почтительно протянутой ему руки, весело спрыгнул с подножки сам.

В школьном парке было безлюдно, и его поразила аккуратность, с какой был сложен спортивный инвентарь на площадках, предназначенных для игры в крикет и теннис, не то что у них дома, где они все оставляли брошенным как попало после игры и только вечером слуги убрали его в кладовую. Рамсен, скрипя своими ботинками на шнурках, с квадратными носками, ввел его в гостиную квартиры директора. Горничная, открывшая им, уже пошла доложить об их приходе. «Какая скучная сумрачная комната», – думал Джонни. И какая некрасивая обстановка, мебель тяжелая, на креслах и большом диване чехлы из ситца, и на окнах висели занавески из того же ситца. На подоконнике в простых горшках стояла герань и какие-то другие цветы. Джонни был еще слишком мал, чтобы понимать, что люди не сами выбирают себе убогое существование, и он, привыкший к роскоши и великолепию особняков своей семьи и родни, со смущением и удивлением оглядывал комнату.

– А какие они, эти мистер и миссис Брэкенбери? – спросил он, не вытерпев, Рамсдена. Но тот не успел ответить: дверь открылась и в комнату вошла невзрачная пара средних лет, очень просто одетая. Доктор Брэкенбери пожал руку мистеру Рамсену, а затем протянул ее Джонни.

– Ну как, рады, что будете учиться в нашей школе? – одновременно ласково и строго звучащим голосом спросил директор. Джонни замешкался, но, увидев ободряющую приветливую улыбку миссис Брэкенбери, утвердительно закивал головой.

– А сколько тебе лет? – снова спросил директор.

– Девять, – тихо ответил Джонни.

– Надо отвечать: «Девять лет, господин директор», – поправил его Рамсен.

– Ему еще многому предстоит научиться, – весело проговорил директор. Он стал расспрашивать Рамсдена, какие дисциплины изучал Джонни и по каким учебникам он готовился, много ли знает. И Рамсен, сам не очень сведущий во всех тонкостях образования, доложив все то, что его просил рассказать отец Джонни, поспешил ретироваться.

– Не скучай, Джонни, твои родители скоро приедут навестить тебя, будь прилежным и послушным мальчиком, учись хорошо, – быстро проговорил он ему на прощание. Как только Рамсен откланялся, директор пригласил Джонни следовать за собой и показал ему классную комнату и его дортуар (общую спальню). Неторопливый рассказ директора о школе и его ласковый и несколько лукавый взгляд совсем ободрили Джонни, и он смело стал спрашивать доктора Брэкенбери и о порядках в школе, и о своих будущих товарищах.

– Сам скоро с ними познакомишься, вот погоди, только они закончат делать уроки, – ответил директор, – ведь те-

бя привезли несколько позже начала занятий, но ничего, ты быстро нагонишь своих сверстников.

Джонни сразу ощутил себя своим среди учеников подготовительной школы, хорошо воспитанных детей из семей аристократии и крупной буржуазии. К тому же в этой школе училось несколько двоюродных братьев Джонни. Через полтора года (такова была разница в их возрасте) к нему присоединился младший брат Хьюберт, что еще больше их сблизило и создало совсем семейную обстановку.

Подобные викторианские подготовительные школы, как правило, принадлежали одной семье и были небольшими, так что супруга директора могла совсем по-матерински заботиться о маленьких мальчиках. Кроме того, школьный режим не так уж контрастировал с домашней обстановкой для детей викторианской эпохи, и у себя дома живших под руководством гувернанток и учителей в соответствии со строгим распорядком.

Да и нагонять своих сверстников в школе Джонни не пришлось. Он был весьма начитан и для своего возраста довольно хорошо знал литературу и историю. Особенно поразило однокашников Джонни, что, когда их попросили назвать имя любимого героя и написать о нем сочинение, он назвал Андреаса Гофера, о котором никто ничего не знал. А. Гофер (1767–1810), борец за свободу Тироля, был расстрелян итальянцами во время наполеоновских войн, что служило для Джонни примером вопиющей несправедливости, с которой

он уже с детских лет не мог примириться. Его сочинение о нем посчитали лучшим среди всех других работ учащихся.

Вместе с тем Джонни ничем особенно не выделялся среди сверстников, был хорошо воспитанным и послушным, и к нему хорошо относились и учителя, и товарищи. Он особенно любил спортивные занятия. Его немного расстраивали неудачи при игре в крикет. И Джонни думал: я добьюсь большого успеха в других видах спорта. В 1879 г. он стал вторым в беге среди всех учеников школы, и его успехи были замечены в прыжках в высоту, длину и беге с препятствиями. Когда три подготовительные школы в Борнмуте устроили совместные спортивные соревнования, Соджин завоевала большинство призов. Джонни выступал за свою школу в беге на 220 ярдов (в возрастной группе до 12 лет) и на четверть мили (в возрастной группе до 13 лет). Джонни, которому было всего 11 с половиной лет, успешно соревновался с тринадцатилетними мальчиками на коротких дистанциях, чем очень гордился.

Значительно облегчала учебу Джонни помощь его старшего кузена Лионеля Иэстона – лучшего бегуна в школе и капитана футбольной команды. Когда на следующий год кузен ушел из подготовительной школы, он занял его место и оставался до окончания школы лучшим ее гимнастом.

Вместе с другими младшими учениками, имевшими слух и голос, Джонни пел в хоре в церкви святого Суизина. К своему удивлению, он полюбил это занятие, которое в дальней-

шем поспособствовало росту его любви к музыке. Сама прогулка по дороге к церкви, особенно летом, доставляла удовольствие. Запах сосен на краю утеса и вид с него на сверкающее в солнечных лучах море. Джонни хорошо помнил, какое сильное впечатление произвело на него море, когда он впервые увидел его в марте 1873 г. в Брайтоне. Но здесь все было еще более великолепно, Борнмут во времена его учебы в начальной школе был чудесным курортным местом с чистыми песчаными пляжами и ясным ярким морем. Будучи еще маленьким мальчиком, он не мог удержаться от того, чтобы не строить замки из «золотого» и «серебряного» песка пляжа и утеса.

Но, конечно, он делал вид, что лишь снисходит до совместной игры с младшим братом Хьюбертом.

Директор школы доктор Брэкенбери любил организовывать любительские театральные постановки. Ежегодно он предлагал пьесу для одного из дортуаров. Незадолго до Рождественских праздников 1879 г., 20 декабря, была поставлена комедия «Молочная белизна». Ему досталась не очень подходящая для него роль «невоспитанного мальчика», с которой, по всеобщему мнению, он неплохо справился.

Доктор Брэкенбери отличался толерантностью к желаниям учащихся, и они могли сами выбирать себе занятия в свое свободное время. Если кто-то любил игры, то ему разрешалось в них играть, чтение – читать, загородные прогулки – бродить по окрестностям. Эта несколько нетипичная степень

независимости очень подходила натуре Джонни. Сам духовно независимый, он был тем ребенком, который мог положительно развиваться именно в такой обстановке.

Но, пожалуй, самую большую радость доставляло Джонни посещение его родителями и сестрами. Он ждал их с нетерпением, считая дни. Иногда родители приезжали с сестрами Лилиан и Мейбл и до того, как Хьюберт сам поступил в школу, конечно, привозили и его. День пролетал очень быстро, но в памяти долго сохранялись теплые воспоминания.

С еще большим нетерпением Джонни ждал каникул, которые он проводил дома. Вот где он мог «инсценировать» морские и сухопутные сражения, о которых много и с увлечением читал. Для этого у него было достаточно оловянных солдатиков, кубиков, лодок и других игрушек. Он любил соорудить форт и сразу же разрушить его. Ему хотелось быстроты действия.

По-настоящему достигнуть ее ему удавалось вне дома. Джонни любил солнце, которого так мало в его родной Англии. Выйдя в солнечный день на лужайку, он видел в стеблях подорожника, увенчанных своеобразной «головкой», короля Артура и его противников. И Джонни долго сбивал эти «головы», пока не оставалась лишь «голова» его любимого героя. Эта же склонность к воображению и фантазированию заставляла его обращаться к домашнему толстому полосатому коту «Пак», «Пэт-Пэв», «Уилфред», «Осуф» или «Косур-де-Шэт, фон Голсуорси».

Что-то толкало его быть зачинщиком буйных игр у дома или в саду, в которых участвовали Хьюберт и Мейбл. Иногда он даже организовывал свирепые налеты на «врага» – случайно подвернувшегося, все терпевшего многострадального человека из штата прислуги, – так как они были вооружены рогатками и водяными пистолетами.

Подчас подобные игры заканчивались неблагоприятно для самих нападавших, получавших синяки и ссадины. И Джонни удивляло, как такие пустяки могли вызывать слезы, а иногда и гнев у Хьюберта и Мейбл. Сам же он всегда сохранял самообладание. Да и, насколько он сам считал, его «руководство» в игре было мягким, ему и в голову не приходило задирать или запугивать своего младшего брата Хьюберта. Правда, и при желании, если бы оно было, подавлять младшего брата было бы для Джонни весьма непросто. Хьюберт, хотя и был на полтора года младше, отличался более быстрой реакцией и большей подвижностью и выносливостью.

Поэтому они были равноценными партнерами и за бильярдным столом, и на теннисном корте в Кумб-Лэе. Когда Джонни проводил каникулярное время дома, он просил на этих матчах выступать в качестве судьи младшую сестру Мейбл.

Несмотря на то что игра возбуждала в нем азарт, Джонни играл с видимым равнодушием и при победе или проигрыше не проявлял особых эмоций.

## Глава 4

Родителям Джона, как тогда уже начинали называть подросшего Джонни, не составляло труда выбрать публичную школу для своего сына. Конечно, это была Харроу, после Итона – самая аристократическая школа в Англии, обучение в которой стоит не менее дорого, т. е. около 200 фунтов в год, но расположенная в ближайших окрестностях Лондона, на одном из холмов к северо-западу от него. Всего в Харроу тогда обучалось от шестисот до семисот учеников.

Через два дня после прибытия в Харроу, сидя за письменным столом в своей комнате, в которую были определены еще два новичка и которая находилась в одном из маленьких домиков, принадлежащих мистеру К. Колобеку, Джон писал отцу:

«6 мая 1881 г.

Дорогой отец!

Сегодня, в 8 утра, нам сообщили результаты экзаменов. Я попал в “верхнюю раковину”, что, как мне кажется, неплохо для новичка. Постараюсь удержаться на этом уровне, но не знаю, удастся ли. На первом уроке я был седьмым с конца, на втором – тридцать вторым, на третьем – тридцать пятым или даже тридцать шестым с конца. Всего нас в классе тридцать шесть мальчиков. Надеюсь, ты знаешь, что такое “уроки”, –

это промежутки времени, когда мы находимся в классе. Пожалуйста, пришли мне как можно скорее мою шляпу, так как я должен надеть ее в воскресенье. Надеюсь, мама уже пришла в себя после напряженной среды.

Я начинаю осваиваться в школе. Сегодня я померил свой пиджак: он сидит хорошо, только немного жмет подмышками, но Стивенс сказал, что легко может это исправить.

Я полагаю, Хью еще не уехал в Соджин.

Я надеюсь, дома все в порядке. А сейчас до свидания, дорогой Папа (мне нужно еще решить шесть примеров по арифметике). С любовью ко всем вам».

И на обратной стороне листа:

«P. S. Пожалуйста, пришли мою красную книгу Латинской поэзии Геппа. Мою Краткую историю Греции доктора Смита, мои Латинскую грамматику и Классический словарь».

Джон уже успел познакомиться со всеми восемью мальчиками, проживающими в доме Колобека. Старшим по дому был шестнадцатилетний Эшворф ст., остальные – это его младший брат Эшворф мл., а также Купер, Ремнэнт, Коур-эдж, Драмлэнриг и Блэквуд. Больше других ему понравились Блэквуд и Драмлэнриг, но и другие были вполне сносны. Конечно, и речи не могло идти о дружеских отношениях с ними, для этого Джону требовалось гораздо больше времени и особые условия. Он с удовлетворением воспринял, что его учебные успехи такие же, как у Главы Дома Эшворфа стар-

шего, но лучшие результаты Коурэджа побуждали к усиленным занятиям с целью догнать его. Он чувствовал, что для самоуважения ему надо быть во всем первым, ну если не самым первым, то хотя бы в числе первых. И вести себя надо с неподдельной простотой и любезностью непринужденности и сдержанности, как это делают истинные аристократы, как держится так понравившийся ему Блэквуд, получивший разрешение на кратковременную отлучку из школы, для того чтобы проводить своего отца Лорда Дафферина, назначенного послом в Константинополь.

Что касается правил поведения, то, не говоря о домашнем воспитании, целью которого было формирование юного джентльмена, первые уроки Джон получил еще в начальной школе. Он понимал, что в средней школе, особенно такого уровня, как Итон и Харроу, будут обучать не только латыни и греческому, но и знакомить с подходами, принятыми на государственной службе и в дипломатии, внутренней и внешней политике. Для того чтобы уметь командовать, самому надо научиться подчиняться, смиряться и терпеть. Джон знал, что этому и служил старинный обычай «fagging», в соответствии с которым младшие обязаны исполнять все приказания старших учеников. Надо отметить, что ко времени его обучения в Харроу «fagging» был уже значительно либерализован. В обязанности «раба» входило подсушивать ежедневную газету, как дома лакей подсушивал «Таймс» для отца Джона, следить за тем, чтобы гренки его «хозяина» были

хорошо подрумянены, промокательная бумага была заменена свежей, перья очинены и другие подобные докучливые, но не унижительные мелочи.

И Джон старательно исполнял эти свои обязанности в начале обучения в Харроу, а затем у него появился свой «раб». После поступления в Харроу младшего брата Джона, Хьюберта, последний какое-то время был «рабом» старшего брата. Джон, правда, старался как можно меньше обременять своих «рабов». Дружеское понимание и помощь в работе младшему школьнику соединялось у Джона с покровительством, позволявшим «стащить» порцию уже отрезанного торта, а то и двух.

Были и другие, по мнению Джона, менее объяснимые школьные правила. Так, нельзя было ходить по улице с закрытым зонтом, а брюки надо было непременно подворачивать и шляпу следовало надвигать на лоб. До перехода в старшие классы вдвоем с товарищем нельзя было ходить. Нельзя также проявлять восторг, за исключением игры в крикет или футбол. Нельзя говорить о себе или своих родных, тем более демонстрировать семейные фотографии. В случае наказания следовало проявлять к этому полное равнодушие. Последние ограничения, считал Джон, были связаны с тем, что вообще любое проявление эмоций, конечно же, признак дурного тона.

Джону надо было привыкать и к новому режиму питания. Обед в Харроу был в 1.30, и только в 6.30 чай, причем к нему

подавали лишь немного хлеба с маслом. Джон, привыкший к традиционному английскому чаю в 5 часов с многочисленной закуской, вынужден был дополнительно брать себе в это время чашку горячего шоколада со сдобной булочкой. В воскресенье, когда чай был в 5.30, можно было обойтись без этого, но почти все ученики дополнительно подкреплялись сосисками или сэндвичами. На это у Джона ежедневно уходило 6 пенсов, что он счел необходимым отметить в письме к родителям. Избытком карманных денег его не баловали.

Требовались деньги и на то, чтобы обставить свою комнату. Было принято украшать ее безделушками и картинами, но особую честь имели серебряные кубки – награды за спортивные победы. В одном из писем к родителям Джон просил прислать деньги на кресло. «Кресло, – писал он, – стоит 12 шиллингов 9 пенсов. Подушки к нему стоят 13 шиллингов 9 пенсов...».

А вот спортивных трофеев Джону было не занимать. Тогда больше почестей приносили успехи в спорте, а не академические достижения. И он мечтал получить право носить свои «цвета»: шапочку члена футбольной команды, «феску», и спортивный костюм члена крикетной команды, имеющей право выступать в матчах между Итоном и Харроу на стадионе Лордз.

В 1882 г. Джон был переселен в Мортон-Хауз мистера Х. Е. Хаттона. Там имелся специальный дневник, в который записывались все успехи его обитателей и в спорте, и в уче-

бе. Джон с гордостью мог показать отметки в нем о своих достижениях. Уже во время первого семестра в Мортон-Хаузе он выиграл место в футбольной команде Мортон-Хауза и удостоился права носить «феску». В следующем семестре ему пришлось участвовать в «торпидс» – футбольных матчах младших школьников. Джон стал капитаном футбольной команды Мортон-Хауза в результате скандала, задевше-го честь и достоинство бывшего ее капитана – здоровенно-го малого, который умел дать отпор противнику и был главной опорой своей команды. Случилось это как раз накануне второго футбольного состязания. Невозможно было представить себе, что началось, когда он отказался участвовать в игре! Потерпев моральный и физический урон, он последовал примеру Ахиллеса в Троянской войне и удалился в свой боевой шатер. Стены Мортон-Хауса дрожали от ожесточенных споров. Джон, как и все младшие, был на стороне капитана своей футбольной команды. Но, после того как он дезертировал, капитаном стал Джон Голсуорси, и от него теперь зависело, будет ли команда Мортон-Хауза вообще играть. Джон справедливо считал, что, если бы он объявил забастовку в знак сочувствия, остальные последовали бы его примеру. Вечером, после многочасовой «фронды», Джон сидел один в комнате, так и не решившись еще, что предпринять. Внезапно вошел староста Мортон-Хауза, прислонился к дверному косяку и сказал:

– Ну как, Джон, ты-то не подкачаешь?

– По... по-моему, капитану зря надавали... зря... – запинаясь, пробормотал Джон.

– Может быть, и так, – сказал староста, – но интересы команды – превыше всего. Сам знаешь.

«Кому сохранять верность?» – подумал Джон, раздираемый противоречивыми чувствами, и смолчал.

– Слушай, Джон, – сказал он вдруг, – ведь всем нам будет позор. Все зависит от тебя.

– Ладно, – хмуро отозвался Джон. – Буду играть.

– Молодчина!

– А все равно, по-моему, нечего было трогать капитана, – бессмысленно повторил Джон. – Он... он ведь такой большой.

Староста подошел почти вплотную к старому скрипучему креслу, в котором сидел Джон.

– Когда-нибудь, – медленно проговорил он, – ты сам станешь старостой. Придется тебе заботиться о престиже шестого класса. И если ты позволишь всякой неотесанной дубине, вроде вашего бывшего капитана, безнаказанно (Джона потрясло это слово), безнаказанно хамить ребятам, тем, что поменьше ростом и послабее, все пропало. Бить противно кого бы то ни было, но лучше уж вздуть грубого верзилу, чем малыша из новеньких. Тем более что ваш бывший вообще свинья – подвел всех нас: у него, видите ли, спинка болит!

– Не в этом дело, – возразил Джон. – Это... это было несправедливо.

– Если это несправедливо, – сказал староста кротко (удивительно кротко), – значит, вся система никуда не годится, а это большой вопрос, Джон. Во всяком случае, не мне его решать. Мое дело – управлять тем, что есть. Давай лапу и завтра жми так, чтобы чертям стало тошно, договорились?

С притворной неохотой Джон протянул ему руку, чувствуя, однако, что староста окончательно перетянул его на свою сторону.

Этот разговор привел Джона к пониманию необходимости безусловного исполнения своего долга, несмотря не только на эмоциональное восприятие происходящего, но и на собственную оценку событий. И этот свой долг Джон исполнял с большим удовольствием именно в спортивных, чем в других занятиях, он был не очень прилежным учеником. Тем не менее он весьма успешно переходил из класса в класс и, закончив старший шестой, был выпущен из школы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.